

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.084-092

В. И. Пржиленский*

Социальные технологии и принципы уголовного судопроизводства в условиях его цифровизации¹

Аннотация. В статье анализируются проблемы, возникающие в процессе цифровизации уголовного судопроизводства, когда его организаторы вынуждены организовывать взаимодействие социальных и компьютерных технологий, совместная разработка и применение которых становятся неизбежными в современных условиях. По-новому трактуются основные понятия теории социальных технологий, которые изначально разрабатывались как средства организации человеческой деятельности, лишь одним из применений которых является система уголовного судопроизводства. Исследуются основные контексты применения понятия «социальная технология», а также значение социальных технологий в формулировании принципов и достижении целей уголовного судопроизводства. Определяется особый вид социальных технологий, называемый в статье гуманитарными технологиями, и анализируется релевантность данного вида технологий в системе принципов уголовного процесса. Обосновывается необходимость различения теоретического и технологического аспектов соблюдения принципов уголовного судопроизводства, что позволяет реконструировать всю систему целеполагания воздействия на поступки людей и общественные отношения при помощи разработки и применения социальных технологий. Подробно анализируется концепция поэтапного преобразования общества путем применения социального инжиниринга, выдвинутая К. Поппером. Реконструируется роль теоретического различия методологического эссенциализма и методологического номинализма (антиреализма). Подвергается критическому осмыслению доминирующая в современном обществознании идеологическая и политическая контекстуализация теории социальных технологий. Исследуются онтологические допущения и методологические установки, предложенные К. Поппером для утверждения его социально-технологической доктрины. Выявляется и описывается специфика применения социальных технологий в условиях применения в уголовном процессе систем искусственного интеллекта. Обосновывается тезис о необходимости поиска взаимосвязи и взаимной согласованности систем личности и общества в процессе цифровизации уголовного судопроизводства как на уровне принципов, так и на уровне технологий.

Ключевые слова: социальные технологии; гуманитарные технологии; интеллектуальные технологии; права человека; уголовный процесс; судопроизводство; цифровизация; искусственный интеллект; методологический эссенциализм; методологический номинализм; государство; право; закон; юриспруденция.

Для цитирования: Пржиленский В. И. Социальные технологии и принципы уголовного судопроизводства в условиях его цифровизации // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 4. — С. 84—92. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.084-092.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16041.

© Пржиленский В. И., 2020

* Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

vladprnow@mail.ru

Social Technologies and Principles of Criminal Justice in the Context of its Digitalization²

Vladimir I. Przhilenskiy, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vladprnow@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the problems that arise in the process of digitalization of criminal proceedings, when its organizers are forced to organize the interaction of social and computer technologies, the joint development and application of which become inevitable in modern conditions. The basic concepts of social technologies theory that were originally developed as a means of organizing human activities, with criminal justice system being only one of them, are interpreted in a new way. The main contexts of application of "social technology" concept, as well as the significance of social technologies in the formulation of principles and achieving the goals of criminal proceedings are studied. The author defines a special type of social technologies, humanitarian technologies in the paper, and analyzes the relevance of this type of technology in the system of principles of criminal procedure. The author substantiates the need to distinguish between the theoretical and technological aspects of compliance with the principles of criminal justice, which allows us to reconstruct the entire system of goal-setting impact on people's actions and social relations through the development and application of social technologies. The concept of gradual transformation of society through the use of social engineering, put forward by K. Popper, is analyzed in detail. The role of the theoretical distinction between methodological essentialism and methodological nominalism (antirealism) is reconstructed. The ideological and political contextualization of the theory of social technologies, which dominates in modern social science, is subjected to critical analysis. The author examines the ontological assumptions and methodological guidelines proposed by K. Popper for the approval of his socio-technological doctrine. The author identifies and describes the specifics of the use of social technologies in the context of the use of artificial intelligence systems in criminal proceedings. The point about the need to search for the relationship and mutual consistency of the systems of the individual and society in the process of digitalization of criminal proceedings both at the level of principles and at the level of technology is substantiated.

Keywords: social technologies; humanitarian technologies; intellectual technologies; human rights; criminal procedure; legal proceedings; digitalization; artificial intelligence; methodological essentialism; methodological nominalism; state; law; law; jurisprudence.

Cite as: Przhilenskiy V. I. Sotsialnye tekhnologii i printsipy ugovornogo sudoproizvodstva v usloviyakh ego tsifrovizatsii [Social technologies and principles of criminal justice in the conditions of its digitalization]. *Lex russica*. 2020;73(4):84-92. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.084-092. (In Russ., abstract in Eng.).

Стремительно развивающиеся ИТ-технологии изменяют все сферы социальной жизни, активно вторгаясь в пространство человеческих отношений, преобразуя все без исключения виды индивидуальной и коллективной деятельности. В особом положении оказались юристы, чья профессия с самого начала была направлена на достижение строгого соблюдения писаных правил на основе точного их истолкования. Ничто не обеспечивает такой строгости и точности, как применение новейших средств электронно-вычислительной техники, но ее внедрение в работу органов предварительного следствия и суда способно оказать неконтролируемое воздействие на алгоритмы судопроизводства, складывавшиеся веками. Эти алгоритмы предполагали, что их применение находится под

непосредственным и повседневным контролем человека, способного вовремя вмешаться в их исполнение, заново все переделать или в ручном режиме устранить ошибки и недочеты. Вот почему вызывает беспокойство возможность нарушения баланса формы и содержания судебной деятельности, несоблюдения тщательно проработанного и теоретически обоснованного соответствия процедуры и смысла в правоприменительных практиках.

Технологии всегда были неотъемлемой частью человеческой жизни. Они усложнялись, развивались и совершенствовались по мере того, как усложнялась, развивалась и совершенствовалась сама деятельность человека как разумного существа. Для обслуживания и совершенствования технологий применялось

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16041.

все, чем располагал и на что мог влиять человек. Для этого в свое время были созданы теории, алгоритмы. Но только сегодня технологии осознаются в качестве таковых, их применение и создание носит системный и рефлексивный характер. К технологиям можно отнести все те знания, умения и навыки, которые используются для производства чего-либо. Отличие производства, основанного на технологии, от обычного изготовления чего-либо состоит в том, что первое носит серийный характер и его результаты сходны друг с другом. В этом случае знания, умения и навыки, составляющие технологию, могут быть аналитически отделены от процесса производства, устно описаны или даже записаны в виде инструкции, что позволяет тиражировать сам процесс производства.

Как отмечают современные исследователи, социальные технологии описывают интегральную совокупность видов человеческой деятельности, которые могут быть осмыслены через концептуальные пары «организованное — стихийное», «профессиональное — любительское» и «трудовое — досуговое». Активное применение результатов развития социальных наук в процессе управления обществом привело к появлению безличных алгоритмов операций и в области межличностного или межгруппового взаимодействия. Как отмечает И. Т. Касавин, понятия социального проектирования, социального конструирования, управления, обучения, экспертизы, программирования сознания, социальной инициативы характеризуют наиболее известные формы социальных технологий. При помощи понятий свободы, коммуникации, ситуации, информации, субъективности можно определить предпосылки социальных технологий, а понятия «социальный институт», «организация», «бюрократия», «технократия», «общество знания» и некоторые другие относятся к возможным заказчикам и сферам реализации социальных технологий»³.

Политика и экономика, наука и религия, семья и образование, культура и досуг оказались буквально пронизаны применением тех или иных видов технологий. Не осталась свободна от них также и сфера права: с появлением новых и развитием уже известных технологий модернизации подвергаются сферы правотворчества и правоприменения. Сегодня все больше

оснований для того, чтобы взглянуть под этим углом зрения на судопроизводство, описав управление правосудия как одновременное применение целого ряда социальных, когнитивных и гуманитарных технологий. Особую ценность данный подход приобретает в эпоху отчасти стихийной, отчасти управляемой цифровизации сферы права и правоприменения. Внедрение в деятельность суда интеллектуальных технологий будет ровно в той степени обоснованным, эффективным и прогнозируемым, в какой сами эти технологии смогут быть представлены как один из видов технологизации правоприменительной деятельности и в какой они смогут сопоставляться, сравниваться и даже противопоставляться другим технологиям: социальным, когнитивным или гуманитарным.

В самом общем виде *технология* — это совокупность знаний и умений, специально разработанных или подобранных для решения однотипных задач. При этом технология позволяет зафиксировать ту часть действия, знания о которой и умение воспроизводить которую необходимы для воспроизводства всего действия. Применение технологии позволяет так репродуцировать ранее осуществленное действие, чтобы в точности или с незначительными отклонениями повторить ранее достигнутый результат. Как отмечает В. М. Розин, «о технологии стали говорить после того, как выяснилось, что цивилизационные завоевания, достижение новых эффектов труда связаны не только с новой техникой, но и с новыми формами кооперации, организации производства и деятельности, с возможностями концентрации ресурсов, с культурой труда, с накопленным научно-техническим и культурным потенциалом, с целеустремленностью усилий общества и государства и т.д.»⁴. Российский философ расширяет понятие технологии, предлагая видеть в последней «сложную реальность», позволяющую сохранять цивилизационные завоевания посредством сочетания новаций и развития. Такое расширение не представляется продуктивным, ибо соединяет технологии с их применением и деятельностью как таковой.

Для того чтобы добиться повторения как самого действия, так и его результата, необходимо что-то знать, что-то помнить, что-то уметь. При этом то, что невозможно сохранять с помо-

³ Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М. : Альфа-М, 2013. С. 360.

⁴ Розин В. М. Технология // Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2010. С. 503.

стью обычной человеческой памяти, нуждается в иных средствах сохранения: либо при помощи описания, либо в виде схем и рисунков. Для того чтобы повторить это действие смог кто-то другой, необходимо его обучить, предоставив те самые описания, схемы или рисунки. Все это давно уже стало рутинным элементом производственной деятельности, вошло в повседневность образовательных и управленческих практик. Образовательные и управленческие технологии не обязательно выстроены вокруг сферы «материального производства», но образом и образцом технологии как таковой все же остается взаимодействие человека с природой, будь то производство вещей или лечение больного.

Между тем за последнее столетие бурное развитие получили технологии взаимодействия человека с обществом, человека с человеком, человека со знанием и даже человека с самим собой. Поэтому первыми в поле зрения теоретика попали технологии изготовления вещей, то есть материального производства. Но затем философское осмысление семейства технологий было расширено: к области изготовления вещей добавились сферы производства знаний, совершенствования институтов, формирования ценностей, выявления смыслов и даже обработки информации. Предметом широкого обсуждения теоретиков стали когнитивные, социальные, гуманитарные и, наконец, интеллектуальные технологии. То есть эти виды деятельности стали рассматриваться в качестве технологизированных, подвергнутых схематизации, формализации, алгоритмизации. Этому способствовала не только чрезвычайная их распространенность и массовость, но и то воздействие, которое они оказали на жизнь человека и общества.

Социальная технология — способ организации межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия. В. М. Быченков определяет социальные технологии как «практически ориентированное социальное знание, имеющее целью создание и изменение организационных структур, и управление социальным поведением людей; совокупность методов и приемов решения задач (достижения целей), выработанных в процессе социального планирования и социального проектирования»⁵.

Первенство в использовании терминов «социальные технологии» и «социальный инжини-

ринг» приписывают К. Попперу, хотя это вряд ли соответствует действительности. Но в чем не приходится сомневаться, так это в том, что именно К. Поппер подверг это понятие, как и стоящее за ним явление, социально-философскому и философско-политическому осмыслению. Не давая строгих дефиниций, основоположник критического рационализма определил социальные технологии как использование социологической науки в процессе общественных преобразований. К. Поппер противопоставлял социальные технологии иному виду использования теоретического знания — революционному изменению общественного строя. При этом он, конечно же, имел в виду революции под марксистскими знаменами, а также российский опыт построения коммунизма, который оценивал как катастрофический.

В противовес основанной на умозрительных квазинаучных теориях Гегеля и Маркса идее коммунизма, социальные технологии выделялись К. Попперу как способность управленцев осуществлять научно обоснованное, «осторожное» и «поэтапное» изменение отдельных институтов, а также совершенствование системы ценностей. К. Поппер полагал, что социальный инжиниринг должен опираться не только на научные знания об обществе, но и на научно обоснованные прогнозы результатов своего вмешательства. Этим он отличается от социальных утопий, к числу которых основоположник критического рационализма относит марксизм, несмотря на все заверения самого К. Маркса и всех его последователей в строго научном характере применяемых ими средств и методов.

Рассматривая обоснованность попперовской критики К. Маркса, следует отметить, что претензии К. Поппера основываются на двух основных пунктах. Первый касается методологии, тогда как второй относится к сфере оценки возможности ученых ошибаться в своих научных прогнозах. Суть претензий в области методологии выражается в различии эссенциализма и антиэссенциализма — двух альтернативных установок, используемых учеными в процессе объяснения научных фактов. «Название “методологический эссенциализм” я использую, — писал К. Поппер, — для обозначения точки зрения, характерной для Платона и многих его последователей, согласно которой задача чистого познания, или “науки”, состоит в том, чтобы отыскивать и описывать подлинную при-

⁵ Быченков В. М. Технологии социальные // Новая философская энциклопедия. С. 503.

роду вещей, т.е. их подлинную сущность или реальность»⁶.

К. Поппер придерживается методологической доктрины, сформулированной представителями эмпириокритицизма и логического позитивизма. Эта доктрина родилась в результате осмысления опыта развития математического естествознания, где вопросы «что такое масса?» и «что такое сила?» постепенно стали считаться настолько неудобными, что их заменили вопросами «как измерить массу?» или «каким должно быть изменение электронной структуры атома для его перехода в возбужденное состояние?». Называя данный подход методологическим номинализмом, К. Поппер предлагает распространить его на социальные науки, а также на порождаемые ими практики управления обществом. В качестве недопустимого примера разработки и применения социальных технологий на основе методологического эссенциализма он приводит проект платоновского государства, а также проект, выстроенный на основе новейшей версии историцизма — исторического материализма.

Методология, построенная на основе принципов позитивистской философии, появилась еще в XIX в. Не вызывает сомнения ее генетическая связь с социологией: основоположник позитивизма О. Конт впервые предложил и новую науку — науку о законах общественного развития. Да и другие крупные представители социологической науки, например Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, придавали большое значение знанию о фактах. Но К. Поппер впервые связал антипозитивистский способ мышления с утопическим проектированием, назвав его социальной технологией, основанной на историцизме.

Историцизм, по утверждению К. Поппера, противоречит точке зрения социальной технологии, или социальному инжинирингу, потому что социальный технолог считает общество, его институты и процессы зависящими людей, наделенных разумом и способностью к проектированию. Историцизм же, напротив, представляет собой точку зрения, согласно которой общество — это продолжение природы, а законы исторического развития предопределяют будущее.

Социальные технологии — это знание о том, как, вмешиваясь в функционирование

социальных систем и институтов, получить точно прогнозируемые результаты. Таким образом, точка зрения социальных технологий предполагает вмешательство в социальную жизнь путем расчета параметров социальных систем и постепенного их изменения. Требование историцизма — изучение законов истории с целью соответствия им в собственной деятельности в полном соответствии с поговоркой: если не можешь предотвратить процесс, то лучше всего его возглавить. «Инженер или технолог, — пишет К. Поппер, — предпочитает рациональное рассмотрение институтов как средств, обслуживающих определенные цели, и оценивает их исключительно с точки зрения их целесообразности, эффективности, простоты и т. п. Историцисты, напротив, пытаются выяснить их происхождение и предназначение, чтобы определить их “истинную роль” в историческом развитии и расценивают существование общественных институтов, например, как “требование Бога”, “веление судьбы”, “историческую необходимость”»⁷.

В этой концептуализации зримо присутствуют не только академические, но и идеологические, а также политические измерения, о чем ее автор прямо заявляет на страницах своей книги. Тем самым К. Поппер стремится сформулировать некий запрет, который, с его точки, необходимо должен сопровождать социальных инженеров в их деятельности. Нельзя, по мнению К. Поппера, полагать, что философия или наука позволяет проникнуть в скрытую сущность вещей, в том числе и таких, как человек или общество. Эта уверенность может породить надежду на возможность их улучшения путем радикальной перестройки, в том числе и в виде возвращения к исходному состоянию. Разбираемый в этом случае пример реализации марксистской утопии дает К. Попперу большое количество фактов негативных последствий «улучшения» общества, но его аргументация выглядит неубедительной.

Само по себе понятие сущности и все остальное, относящееся к разряду методологического эссенциализма, действительно относится к классической философии и заменяется на более эффективные и точные средства и методы новейших систем мысли. Однако запрет на попытки изменения человеческой природы или

⁶ Popper K. R. The open society and its enemies. London : George Routledge & Sons, Ltd, 1947. Vol. I : The spell of Plato. P. 25.

⁷ Popper K. R. Op. cit. P. 19.

природы общества лежит не в сфере методологии и не в сфере эпистемологии. Данный запрет формулируется при помощи конституирования определенной системы ценностей, в основе которой лежит интуиция о приоритете прав человека, а не те или иные методы познания. Более того, сегодня социальные институты западноевропейских и североамериканских обществ преобразуются не менее радикально, чем это было сделано большевиками. Но теперь это происходит во имя прав человека и исходя из западной индивидуалистической системы ценностей. Речь идет о снятии запрета в этих странах на гомосексуальные партнерства, рассматриваемые как разновидности брака, равноправие однополых и разнополых пар в вопросах усыновления детей, отмены пола в идентификации родителей и т.п.

Насколько поэтапно идут преобразования институтов брака, семьи и родительства в западноевропейских и североамериканских странах и насколько далеки от эссенциалистского утопического мышления их инициаторы, сказать трудно. Но легко обнаружить, что в основе этих социально-правовых и институциональных трансформаций лежат ценности индивидуализма, тогда как марксистский проект в исполнении большевиков все очевиднее тяготеет к ценностям коллективизма и все более напоминает опыт древнекитайских легистов (фацзя). Неслучайно этот проект нашел такую поддержку в современном Китае, где по сей день живы моральные заповеди Конфуция⁸ и управленческие идеи Шана Яна⁹. Как конфуцианство, так и легизм могут рассматриваться в качестве исторических предшественников современных социальных технологий.

Какова бы ни была природа этого выбора, но выбор в пользу ценностей индивидуализма в европейской цивилизации состоялся. И одним из его следствий можно с полной уверенностью считать рождение новой социальной технологии, которую можно также назвать гуманитарной. И хотя ценности индивидуализма нередко соотносят с системой хозяйствования, укорененной в европейских странах и оказавшей влияние на системы политики, права, об-

разования и управления, рожденная этими ценностями технология сама порождает систему ценностей, именуемых гуманитарными. Эти ценности обосновывают приоритет прав человека и выстраивают социальную жизнь в строгом соответствии с их соблюдением — в этом и состоит суть названной технологии. Ее влияние нетрудно обнаружить во всех сферах права и правоприменения, в том числе и в закреплённых российской Конституцией основах уголовного судопроизводства.

Цифровизация практически всех сторон социальной жизни ставит вопрос о взаимодействии социальных и компьютерных технологий, об их совместимости и о тех проблемах, которые возникают в сфере соответствия нового (компьютеризированного) правосудия тем принципам, которые были заложены в период обычных (докомпьютерных) социальных технологий. Одну из таких проблем отмечает американский философ Н. Бостром. Он пишет о том, что обычный суд руководствуется в своей деятельности не только буквой закона, но и его духом, то есть сверяет правовые нормы с моральными и в случае противоречия между ними ищет способ, оставаясь в области правового поля, гармонизировать данное отношение. «Человек просто не в состоянии вразумительно и скрупулезно прописать правила, — отмечает Н. Бостром, — правила, которые должны быть организованы в весьма сложную систему; правила, которыми сам человек мог бы уверенно оперировать буквально с первого раза; правила, на которые можно было бы опереться при любых обстоятельствах»¹⁰.

Вопросы соответствия морали и права в условиях применения систем искусственного интеллекта ставятся по-новому. Если прежде это были поиски соответствия между двумя системами норм, каждая из которых интерпретировалась в контексте их социальной исполнимости, то теперь сама интерпретация их зависит от иных условий и требований, связанных с написанием соответствующих компьютерных программ. Система «личность — общество» превращается в систему «личность — компьютер — общество». Принципы уголовного

⁸ *Fan R.* Reconstructionist Confucianism. Rethinking Morality after the West. Springer Science + Business Media B. V., 2010. Pp. 45—69.

⁹ *Creel H. G.* The birth of China: A study of the formative period of Chinese civilization. F. Ungar Pub. Co; First Edition edition, 1954. P. 402.

¹⁰ *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 223.

судопроизводства, как известно, определены российским законодательством в статьях с 6 по 19 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹¹, посвященных его назначению, соблюдению законности. Здесь мы находим требование разумности срока судебного разбирательства по уголовным делам, требование независимости судей, необходимость уважения чести и достоинства личности, ее неприкосновенности, презумпции невиновности и т.п.

Эти принципы закреплены в Конституции в гл. 2 и 7, но уже языком уголовно-процессуального закона они закреплены в гл. 2 УПК РФ. К сожалению, еще не все принципы, изложенные в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), нашли закрепление в российском законодательстве. Там основополагающие процессуальные правила изложены через призму закрепления прав человека, подлежащих защите в уголовном или ином судопроизводстве, но по смыслу они дополняют национальные процессуальные законы и национальные системы принципов современного процесса для всех стран-участниц. Например, в ЕКПЧ есть ст. 6, которая отсутствует в нашем УПК, но мы не можем ее игнорировать в силу ратифицированного международного договора. Поэтому к нашим принципам (гл. 2 УПК РФ) следует, например, добавить еще принцип справедливости судебного разбирательства, содержание которого раскрывается в ст. 6 ЕКПЧ, и некоторые другие¹².

Разумеется, провозглашаемые ценности могут быть сформулированы и формулируются на языке этики, на языке моральной философии и, как это представлено выше, на «административно-юридическом» языке права. Система их обоснования и принятия если не всеми членами общества, то по крайней мере элитой и достаточным большинством сложна и многомерна. Для успешного усвоения этих ценностей необходимо задействовать всю систему образования и воспитания, включающую в себя не только разнообразный контент и методики, но и психологические механизмы социализации. Так, в архаичных обществах позитивные механизмы имитации и идентификации работают на то, чтобы любой член общества не мог иден-

тифицировать себя не только с преступником, но и с подозреваемым. В то же самое время воспитывающие гуманность гуманитарные технологии направлены не только на сдерживание требований скорой и жестокой расправы с подозреваемым, но и на способность сопереживать преступнику, видеть в нем человека. Точно так же и негативные психологические механизмы социализации, такие как чувство стыда и вины, способствуют укрощению инстинктов и эмоций, что закрепляет гуманистические ценности на интуитивном уровне. Как отмечает Н. Бостром, «следует очень внимательно относиться к самой процедуре приурочения ИИ [искусственного интеллекта] и попытаться корректно определить конечную цель, стимулируя ИИ проявлять добрую волю отвечать на вопросы безошибочно и сводить к минимуму свое воздействие на мир. Правда, последнее не имеет отношения к тем случаям, когда формулировка вопросов невольно вынуждает ИИ давать ответы, оказывающие влияние на окружающих, но все равно эти ответы обязаны быть абсолютно достоверными, а форма их изложения не должна манипулировать сознанием людей»¹³.

Образование, воспитание и психологические механизмы социализации будут малоэффективны, если не будут развиваться в том же направлении, в котором будут продвигаться иные участники «духовного производства»: философы, писатели, художники. Развитие системы гуманитарных ценностей и ее укоренение на институциональном уровне, а также ее хабиутализация (превращение в набор привычек) в повседневных практиках сегодня невозможны без особой социальной технологии, объединяющей деятельность когнитивных и ценностных систем с системами управления, политики, межиндивидуального и межгруппового взаимодействия.

Даже беглый анализ принципов уголовного судопроизводства, закрепленных в российской Конституции, позволяет сделать вывод о том, что они относятся к той сфере социальных технологий, которые называются гуманитарными или социогуманитарными. Когда сегодня пишут о гуманитарных технологиях, то чаще всего имеют в виду обращенность техноло-

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями и дополнениями) // СПС «ГАРАНТ».

¹³ Бостром Н. Указ. соч. С. 225.

гий к человеку. «Прежде всего, — отмечает Б. Г. Юдин, — следует уточнить наше понимание терминов “социальные” и “гуманитарные” применительно к технологиям. Различие между ними довольно простое — там, где речь идет о технологических воздействиях на индивида (или на индивидов), имеет смысл говорить о гуманитарных технологиях (ГТ); там же, где речь идет о воздействиях на социальные общности любого масштаба, имеет смысл говорить о социальных технологиях»¹⁴.

Есть и иная точка зрения, согласно которой «гуманитарные технологии трактуются как вид социальных технологий, основанный на преимущественном использовании “мягких” методов — убеждения и манипулирования»¹⁵. С этой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти, ибо назначение гуманитарных технологий, обращенных к человеку, а не против человека, не может опираться на манипулирование. Опираясь на традицию определения базовых ценностей как гуманистических и гуманитарных и утверждая их универсальный характер, такую технологию можно было бы назвать антигуманитарной. А к числу гуманитарных технологий следует отнести технологии, и цели, и средства которых соответствуют гуманитарным ценностям, во имя которых и ссылаясь на которые только и можно убеждать отдельного индивида или все общество. Манипулирование же является прямой противоположностью гуманитарной технологии потому, что именно

оно и запрещается системой гуманитарных ценностей.

Возвращаясь к принципам уголовного судопроизводства, необходимо отметить и следующее. Данные принципы не предполагают консервацию, трансформацию или репродукцию каких-либо особенностей социальной структуры, институтов или процессов, но всецело обращены к системе личности и ее охране от агрессивных воздействий внешней (социальной) среды. Между тем цифровизация не может оказать одностороннего и изолированного воздействия на личность или на общество. Ее действие затрагивает всю систему отношений между ними. Алгоритмы, призванные исключить влияние человеческой субъективности, на самом деле не достигают подобной цели, но приводят к ее «отложенному действию». Как и человек, компьютер может быть предвзятым. Искусственный интеллект накапливает не только информацию, но и знания, оценки, допущения и убеждения, которые так же полны предвзятости, как и знания, оценки, допущения и убеждения реальных индивидов. Более того, само накопление данных, независимо от того, является ли оно индуктивным или имеет более сложную модель, включающую в себя распознавание образов, способно рождать новые «предвзятости», которые являются результатом спонтанных и неконтролируемых комбинаций из имеющихся оценок и убеждений, «усвоенных» компьютером прежде.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 496 с.
2. *Касавин И. Т.* Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. — М. : Альфа-М, 2013. — 557 с.
3. *Клачков П. В.* Понятие гуманитарных технологий в системе социально-философских категорий // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 3. — С. 77—82.
4. Новая философская энциклопедия. — М. : Мысль, 2010. — 744 с.
5. *Юдин Б. Г.* От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / кол. монография. — М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. — С. 187—214.

¹⁴ *Юдин Б. Г.* От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / кол. монография. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 191.

¹⁵ *Клачков П. В.* Понятие гуманитарных технологий в системе социально-философских категорий // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6452> (дата обращения: 31.01.2020).

6. Fan R. Reconstructionist Confucianism. Rethinking Morality after the West. — Springer Science + Business Media B. V., 2010.
7. Creel H. G. The birth of China: A study of the formative period of Chinese civilization. — F. Ungar Pub. Co; First Edition edition, 1954.
8. Popper K. R. The open society and its enemies. — London : George Routledge & Sons, Ltd, 1947. — Vol. I : The spell of Plato. — 268 p.

Материал поступил в редакцию 6 февраля 2020 г.

REFERENCES

1. Bostrom N. Iskusstvennyy intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii [Artificial intelligence. Stages. Menaces. Strategies]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2016. (In Russ.)
2. Kasavin IT. Sotsialnaya epistemologiya. Fundamentalnye i prikladnye problemy [Social epistemology. Fundamental and applied problems]. Moscow: Alfa-M; 2013. (In Russ.)
3. Klachkov PV. Ponyatie gumanitarnykh tekhnologiy v sisteme sotsialno-filosofskikh kategoriy [The concept of humanitarian technologies in the system of socio-philosophical categories]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2012;3:77-82. (In Russ.)
4. Novaya filosofskaya entsiklopediya [New philosophical encyclopedia]. Moscow: Mysl; 2010. (In Russ.)
5. Yudin BG. Ot gumanitarnogo znaniya k gumanitarnym tekhnologiyam [From humanitarian knowledge to humanitarian technologies]. In: Gumanitarnoe znanie: tendentsii razvitiya v XXI veke. V chest 70-letiya Igorya Mikhaylovicha ilinskogo: kol. monografiya [Humanitarian knowledge: development trends in the 21st century. In honor of the 70th anniversary of Igor Mikhailovich Ilyinsky. Joint monograph]. Moscow: Izd-vo nats. in-ta biznesa; 2006. P. 187-214. (In Russ.)
6. Fan R. Reconstructionist Confucianism. In: Rethinking Morality after the West. Springer Science + Business Media B.V.; 2010. p. 45-69. (In Eng.)
7. Creel HG. The birth of China: A study of the formative period of Chinese civilization. F. Ungar Pub. Co; First Edition edition; 1954. (In Eng.)
8. Popper KR. The open society and its enemies. Vol. I: The spell of Plato. London: George Routledge & Sons, Ltd; 1947. (In Eng.)